

---

18. Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 132. Оп. 1. Д. 113.

19. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392.

20. Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. Временные социокультурные сообщества в экстремальных условиях российской истории XX века // Гуманитарное знание: Сер. «Преемственность». Ежегодник Омского гос. педагогического ун-та. Омск: Изд-во Омского гос. педагогического ун-та, 1998. Вып. 2 за 1998 г. Кн. 1: Исторические исследования. С. 130–152.

21. Черноморское побережье Кавказа / сост. В. П. Доброхотов; под ред. Н. И. Воробьева. Краснодар: Традиция, 2009.

22. Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

23. Gatrell P. Russia's First World War: Remembering, Forgetting, Remembering // The Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A.J. Rieber / ed. by M. Siefert. Budapest; NY: CEU Press, 2003.

Scientific Intelligentsia and Formation of Tourist Tourism Complex on Black Sea Coast of Caucasus in 1914–1920–s

EREMEEVA Anna N., Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department of Complex Problems for Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: erana@mail.ru

In this article attempts to examine the activities of the scientific intelligentsia, aimed at the development of tourism and recreation on the Black Sea coast of the Caucasus in 1914–1920 years.

Keywords: *tourism and recreation complex, the Black Sea coast of the Caucasus, civil strife, scientific intelligentsia.*

M. X. Аталикова*

ИНСТИТУТ ГОСТЕПРИИМСТВА КАК МЕХАНИЗМ УСТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье рассматривается институт гостеприимства как один из социально организованных способов установления и поддержания межэтнической коммуникации в кавказском культурном ареале.

---

* АТАЛИКОВА Марьяна Хамидбиевна, преподаватель кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: maryana.kh5@yandex.ru.

Ключевые слова: культурные императивы кавказского гостеприимства, культурная идентичность.

Межэтнический диалог в рамках гостеприимства отражает реальный процесс становления и развития культурного единства на территории кавказского региона. Преодоление чужого культурного пространства происходило благодаря тому, что гость выступал носителем тех же ценностей, установок, норм, что и принимающая сторона. Понимание другого происходило через присутствие в иной культуре в статусе гостя. В итоге ценностные приоритеты этносов и, соответственно, дистанция между их этическими мирами становилась минимальной, благодаря сознательной, целенаправленной духовной деятельности этносубъектов в системе взаимодействия «гость-хозяин».

Каждая культура обладает определенным набором средств, способов позволяющих человеку определить себя и другого, онтологические позиции во внешнем окружении. В системе кавказского гостеприимства мотив распознавания друг друга являл собой механизм самоотождествления, соотнесения себя с данной культурой. Соблюдение общепринятых поведенческих норм актуализировало и со стороны хозяина, и со стороны гостя персональную и этническую идентичность. Оба находились в поле взаимодействия, где этикетные и коммуникационные нормы были едины. В итоге проблема «свой-чужой» у разноязычных народов снималась и оставалась только радость встречи с «другим». Таким образом, через действие института гостеприимства реализовывался важнейший культурообразующий параметр – механизм идентификации.

Возникновение и функционирование гостеприимства обусловлено определенными социально-экономическими условиями, потребностями общения и контактов в условиях сурового быта, когда человеку приходилось преодолевать трудности местной природы и постоянно обороняться от врагов. Поэтому не только в горах, но и на равнине было естественным рассчитывать на помощь родственников и соседей, так как в средневековом обществе в условиях феодальных междоусобиц существовала реальная опасность для путников быть ограбленным или проданным в рабство. В бесписьменной культуре народов Северного Кавказа традиции гостеприимства выполняли важную социальную функцию – установление и поддержка торгово-экономических, общественно-политических и культурных связей не только внутри одного этноса, но и между представителями разных народов.

Свидетельством широкого распространения гостеприимства и исключительного к нему отношения было наличие специального дома для приема гостей, известного как *кунацкая* (от тюрк. кунак – друг, приятель, гость, хозяин). Объяснением полисемии самого термина «кунацкая»

является, по-видимому, ее многофункциональность. В частности, известный этнограф М. О. Косвен связывает происхождение гостиного дома с архаическим «клубом молодежи», поэтому кавказская кунацкая «выступает вовсе не как гостевая в первую очередь, а как помещение мужской молодежи семьи...», поэтому иногда здесь обсуждали и решали не только внутрисемейные, но и различные общественные вопросы [3, с. 128].

В традиционной культуре адыгов кунацкая именуется «хьэщ1эщ», у абхазов «ассасайрта», у осетин «уазагдон», у балкарцев – «кьонакъ юй», у ингушей гостевой дом называют «хьаьша-ц1а».

На протяжении длительного периода сосуществования народов в геоландшафтном пространстве Кавказа происходило постоянное взаимопроникновение и взаимообогащение этнокультур, в результате многие материальные и духовные артефакты становились достоянием региональной культуры. Поэтому институт гостеприимства становится конструктивным принципом не только северокавказских народов, но и всего Кавказа, преобразуясь в систему образов идентичности данных сообществ. Здесь уместно будет привести слова М. М. Бахтина: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой дуалистической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [1, с. 354]. Таким образом, функционирование института гостеприимства не ограничивалось границами одного народа, напротив, данный социокультурный комплекс был тесно привязан к этнокультурному ландшафту северокавказского региона, являясь своего рода адаптационным механизмом к определенным природным и историческим условиям.

Главным принципом построения кунацкой являлось обеспечение максимального комфорта во все время проживания гостя. Гостиная строилась недалеко от основного жилого дома в наиболее удобном месте, ближе к воротам. Кунацкая имела небольшой дворик и отдельные от хозяйской усадьбы ворота, огораживался плетневым забором или частоколом. Рядом с домом располагались конюшня и коновязь. Кунацкая представляла собой однокамерное помещение и имела два входа: внешний и внутренний, что делало обслуживание гостей быстрым и ненавязчивым. Двери дома никогда не запирались и были открыты для любого путника. Над входной дверью висел фамильный герб-тамга хозяина. Гости также старались оставлять на двери гостинной свой родовой знак (сделанный из железа или вырезанный из дерева). В кунацкой находилось все необходимое для жизнеобеспечения гостя: кровать, скамейки, столы-

треноги; стены украшались циновками, оружием, музыкальными инструментами. Чем выше социальное положение хозяина, тем богаче был и интерьер гостиного дома.

Культурные императивы кавказского гостеприимства основывались на двух положениях. Во-первых, оно распространялось на любого человека вне зависимости от его национальной и сословной принадлежности, причем соблюдение этикетных норм являлось обязательным в отношении к преступнику и даже кровнику. В кунацкой феноменально сочеталось, казалось бы, несовместимое - избранность и доступность, элитарность и эгалитарность. Во-вторых, гостеприимство выполняло *правовые функции* – обязанностью хозяина было обеспечение безопасности гостя и сохранности его имущества, даже если это угрожало его жизни. За оскорбление и убийство гостя несли ответственность, как родственники принимавшей семьи, так и односельчане, за него они мстили обидчику. В случае несоблюдения этой древней родовой обязанности семья подвергалась осуждению и игнорированию со стороны общества.

Действие института гостеприимства основывалось не только на внешнем социальном контроле, но и на внутренней потребности члена общества принять и обслужить гостя, делая все для достойного приема. Потребность эта базировалась на совокупности морально-этических начал, получивших свое концентрированное выражение в этнических «кодексах чести» (абхазство-апсуара, чеченство, адыгство и др.). Типологическое сходство этических систем формировало общую «аксиосферу» региона, закрепляя во времени и пространстве ценностно-значимые ориентиры поведения [4].

Доминирование отношений, основанных на личных связях в эпоху феодализма, множественное иноэтничное окружение на Кавказе предъявляет особые требования к форме и организации приема чужестранцев, с особой остротой ставит вопрос о границах своей культуры, о правомочности чувствовать себя «своим» в среде другого народа. В основе гостеприимства, как социального явления, первостепенной являлось то, что любой гость - это прежде всего человек имеющий сакральный статус уже в силу своего положения. Отношение к «иному» или «другому» на Кавказе было скорее открытым, заинтересованно уважительным. Причем, человек, не принадлежащий к данному народу по своему рождению, еще не является «чужим», точно так же как и позиция «чужого» не формировала образ врага. Так как и свой мог быть в средневековом обществе «врагом» только потому, что он носит оружие и является потенциальным противником в безлюдном пространстве. На Кавказе и «чужой», и «враг» становится «своим», если он уже гость. Поэтому здесь мы не согласимся с Э. Бенвенист, который считает, что для древних цивилизаций и традиционных обществ «Рожденный вне» заведомо враг, и «необходимо взаимное обязательство

для того чтобы между ним и моим «Я» установились особые отношения гостеприимства, которые немислимы внутри общины» [2, с. 368-369]. Во всяком случае для северокавказского региона это не было такой суровой реальностью.

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что единство обычного права и этикета и их сакрализация формировало синкретический характер традиционной культуры народов Северного Кавказа как в прошлом, так отчасти и в настоящем. По мнению Х. Г. Тхагапсоева именно в сохранении синкретичности культуры заключается особенность генезиса кавказского сообщества этносов, так как оно, оставаясь в «межпространстве» великих цивилизаций Востока и Запада вплоть до Новейшего времени, так и не подпало под решающее культуроформирующее (культуродифференцирующее) влияние ни одной из сопредельных цивилизаций [5, с. 173]. Это и явилось, на наш взгляд, основой устойчивости некоторых этноидентифицирующих элементов культуры, в том числе и особенностей гостеприимства.

Таким образом, благодаря институту гостеприимства у путника, покинувшего свой дом, были вполне оправданные ожидания на предоставление крова и радушный прием. Причем, такая предсказуемость поведения в социокультурном пространстве Северного Кавказа обеспечивалась, как в своей этнической среде, так и среди соседних народов, также живущих по аналогичным этнокультурным нормативам. Усвоение этикетных правил, осознанное принятие соответствующих моделей поведения, самоотождествление себя с культурными образцами, принятыми в кавказском сообществе, невольно делает человека причастным к «другой» культуре, формируя у него комплиментарные и толерантные качества сознания и мышления. Одним из таких идентификационных механизмов, позволяющих ощутить психологическую совместимость в многоэтническом кавказском ареале и осознать принадлежность к общей, этнической культуре Северного Кавказа, стал институт гостеприимства.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов (извлечения). III. «Раб», «чужой» // Общая лингвистика. М. Едиторилл УРСС, 2002. С. 364–369.
3. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
4. Столович Л. Н. Эстетическая и художественная ценность: сущность, специфика, соотношение. М.: Знание, 1983.
5. Тхагапсоев Х. Г. Южная Россия: кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во Российского гос. педагогического ун-та, 2001. С. 165–185.

Institute of Hospitality as a Mechanisms of Establishment of Tolerant Relations in the Cultural Space of the North Caucasus

ATALIKOVA Maryana Kh., Lecturer,
Department of Cultural Studies,
North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, Russia
E-mail: maryana.kh5@yandex.ru

The article considers the Institute of hospitality as one of the socially organized ways of establishing and maintaining the ethnic communication in the Caucasian cultural area.

Keywords: *cultural imperatives of Caucasian hospitality, cultural identity.*

М. А. Махотлова*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ АДЫГСКОГО РУКОТВОРНОГО ЛАНДШАФТА

Статья посвящена проблеме исследования этноэкологических традиций в ситуации социокультурных и экологических изменений, происходящих в мире. Раскрывая различные аспекты существующих исследований адыгского культурного рукотворного ландшафта, автор доказывает актуальность исследований ценностных смыслов, заключенных в адыгской этноэкологической традиции в ракурсе культурологического знания.

Ключевые слова: *этнические культурные рукотворные ландшафты, адыгский сад-лес, ценностные смыслы, этноэкологические традиции.*

Этнические культурные рукотворные ландшафты, являясь совместным творением этноса и природы, представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии и культурологии.

В рамках последней наибольший интерес представляет качественная характеристика данного вида культурного ландшафта, его изучение в качестве объекта, способствующего приобщению к культурным ценностям как создавшего его этноса, так и ко всем подобным, имевшим место в мировой культуре. Подобный взгляд на этнические культурные рукотворные ландшафты является значимым и для их определения как объектов культурного наследия. В п. 14 Приложения II ко «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии» обозначены следующие цели, стоящие перед государствами-участниками: «Уважение и защита традиционных знаний, в частности, накопленных коренными народами; признание роли традиционных знаний, особенно в вопросах

---

* МАХОТЛОВА Мадина Асланбиевна, кандидат культурологии, и. о. декана факультета заочного обучения Кабардино-Балкарского института бизнеса, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: makhotlovam@rambler.ru.